

КРАТКОЕ ОГЛАВЛЕНИЕ

Авторский коллектив	4
Введение	8
Глава 1. Понятие и значение цифрового права в современной правовой системе.....	12
Глава 2. Субъекты цифрового права.....	83
Глава 3. Правовое регулирование больших данных на товарных и финансовых рынках.....	119
Глава 4. Правовое регулирование искусственного интеллекта	183
Глава 5. Правовое регулирование договоров в цифровой среде.....	206
Глава 6. Проблемы применения антимонопольного законодательства на цифровых рынках.....	263
Глава 7. Правовое понятие технологии блокчейн и сферы применения	296
Глава 8. Цифровизация государственных и муниципальных закупок.....	430
Глава 9. Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.....	458
Глава 10. Правовое и экономическое регулирование цифровых технологий в международных отношениях.....	491
Заключение.....	624
Глоссарий.....	626

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

Ален Дюфло (Alain Duflo), адвокат, основатель адвокатского бюро «Дюфло и Партнеры», сопрезидент Международного союза юристов и экономистов (Франция), преподаватель Университета Лион-3 имени Жана Мулена (г. Лион, Франция), почетный консул Гватемалы в г. Лионе (Франция) (глава 10 (§ 3.1)).

Андреева Любовь Васильевна, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор (глава 3 (§ 3), глава 8 (§ 1)).

Блажеев Виктор Владимирович, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Председатель Ассоциации юристов России, заслуженный юрист РФ (введение).

Белицкая Анна Викторовна, доцент кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, доцент (глава 3 (§ 2)).

Белых Владимир Сергеевич, заведующий кафедрой предпринимательского права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (глава 1 (§ 2, совместно с *М. А. Егоровой*), глава 7 (§ 6.3, совместно с *М. А. Егоровой*, *С. Б. Решетниковой*), глава 7 (§ 7)).

Беляева Ольга Александровна, главный научный сотрудник, заведующий кафедрой частноправовых дисциплин ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор РАН (глава 8 (§ 2, § 3)).

Богданова Елена Евгеньевна, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент (глава 5 (§ 2)).

Городов Олег Александрович, профессор кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор (глава 9).

Гринь Олег Сергеевич, директор Центра мониторинга законодательства и правоприменения Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доцент кафедры гражданского права, кандидат юридических наук, доцент (глава 5 (§ 3)).

Диана Трешакова (Diana Treščáková), профессор юридического факультета Университета П. Й. Шафарика, доктор философии (PhD), доктор права (г. Кошице, Словакия) (глава 10 (§ 6)).

Егорова Мария Александровна, начальник управления международного сотрудничества Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор кафедры конкурентного права, сопresident Международного союза юристов и экономистов (Франция) (глава 1 (§ 2, совместно с *В. С. Бельх*), глава 6 (§ 3, совместно с *Д. А. Петровым*), глава 7 (§ 2, совместно с *С. Б. Решетниковой*), глава 7 (§ 6.1, совместно с *Л. Г. Ефимовой*), глава 7 (§ 6.3, совместно с *В. С. Бельх*, *С. Б. Решетниковой*), заключение, совместно с *В. Н. Силюковым*).

Ершова Инна Владимировна, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ (глава 1 (§ 6), глава 7 (§ 4)).

Ефимова Людмила Георгиевна, заведующий кафедрой банковского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор (глава 5 (§ 1), глава 7 (§ 6.1, совместно с *М. А. Егоровой*), глава 7 (§ 6.2, § 6.4)).

Зенин Сергей Сергеевич, директор Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доцент кафедры конституционного и муниципального права, кандидат юридических наук, доцент (глава 1 (§ 3, совместно с *А. В. Минбалевым*)).

Кристоф Самуэль Ючинсон (Christophe Samuel Hutchinson), преподаватель кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), PhD (глава 10 (§ 4)).

Литвинова Наталина Николаевна, президент Международного комитета цифровой экономики БРИКС, президент Всемирного фонда ресурсов развития «Рождение мира», президент Global Union 2050, кандидат юридических наук, доцент (глава 1 (§ 5, совместно с *А. В. Минбалевым*)).

Мажорина Мария Викторовна, проректор по учебной и методической работе Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного права (глава 7 (§ 3), глава 10 (§ 1, § 5)).

Минбалеев Алексей Владимирович, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, доцент (глава 1 (§ 3, совместно с *С. С. Зениным*), глава 1 (§ 4, § 7), глава 1 (§ 5, совместно с *Н. Н. Литвиновой*), глава 4).

Михеева Ирина Евгеньевна, заместитель заведующего кафедрой банковского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент (глава 7 (§ 1, совместно с *С. Б. Решетниковой*), глава 7 (§ 5), глава 10 (§ 3.2)).

Петров Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета (глава 6 (§ 1, совместно с *В. Ф. Попондопуло*, *Е. В. Силиной*), глава 6 (§ 2,) глава 6 (§ 3, совместно с *М. А. Егоровой*)).

Попондопуло Владимир Федорович, заведующий кафедрой коммерческого права Санкт-Петербургского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (глава 6 (§ 1, совместно с *Д. А. Петровым*, *Е. В. Силиной*)).

Решетникова Стефания Борисовна, магистрант кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (глава 7 (§ 1, совместно с *И. Е. Михеевой*), глава 7 (§ 2, совместно с *М. А. Егоровой*), глава 7 (§ 6.3, совместно с *М. А. Егоровой*, *В. С. Бельх*)).

Самольсов Павел Валерьевич, советник Административного управления — секретариата руководителя Федеральной антимонопольной службы, доцент кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии

управления МВД России, кандидат педагогических наук, доцент (глава 2 (§ 4), глава 6 (§ 4), глоссарий).

Силина Елена Владимировна, заведующий кафедрой предпринимательского права Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор юридических наук, доцент (глава 6 (§ 1, совместно с *В. Ф. Попондопуло, Д. А. Петровым*)).

Синюков Владимир Николаевич, проректор по научной работе Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (глава 1 (§ 1), заключение, совместно с *М. А. Егоровой*).

Ситник Александр Александрович, доцент кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент (глава 10 (§ 2)).

Фабрис Роза (Fabrice Rosa), профессор Реймского университета в Шампани, Арденны — директор CEJESCO (Центр правовых исследований по эффективности континентальных систем), доктор права (глава 10 (§ 7)).

Хохлов Евгений Сергеевич, преподаватель кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (глава 3 (§ 1, § 4)).

Цинделиани Имеда Анатольевич, заведующий кафедрой финансового права Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент (глава 2 (§ 1–3)).

ВВЕДЕНИЕ

Современное общество характеризуется глобальным процессом цифровизации социальных и экономических отношений. Это своего рода революция — не социальная, а технологическая, — и, естественно, будущее во многом зависит от тех процессов, которые будут происходить в информационном обществе, и от способности современного права адекватно регулировать эту сферу.

Еще в конце XX в. ученые всерьез заговорили о трансформации социальных и экономических отношений под влиянием информационных и коммуникационных технологий, активно развивающихся с середины XX в. Так, в 1995 г. американский ученый Николас Негропonte ввел в употребление термин «цифровая экономика», который в настоящее время прочно вошел в лексикон не только ученых, но и политиков, предпринимателей, журналистов.

В Российской Федерации термин «цифровая экономика» введен в правоприменительную практику Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы»¹. Под цифровой экономикой понимается хозяйственная деятельность, в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объемов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг.

В информационном обществе резко возрастает роль права как ключевого механизма регулирования общественных отношений. Однако информационное общество развивается такими стремительными темпами, что право значительно отстает от тех общественных потребностей, которые являются определяющими для его функционирования. Правовой вакуум существенно осложняет область деятельности субъектов права. Поэтому государство должно научиться

¹ СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

прогнозировать дальнейшее развитие общественных отношений в цифровой сфере, в том числе используя современные цифровые технологии, и предвосхищать их появление новыми нормативными актами. Без должного нормотворческого прогноза этот процесс будет бесконечным и всегда запаздывающим. Мы уже сталкиваемся с тем, что широкое использование цифровых технологий без должного их правового регулирования порождает массу юридических проблем, в том числе в сфере действия уголовного законодательства¹. Многие социальные процессы остаются не урегулированными правом, что также чревато проблемами уголовно-правового характера.

Информация стала универсальным объектом права, существует в любой правовой отрасли. Сущность и характер правовых отношений, возникающих между традиционными (физические лица, юридические лица (организации), государство) субъектами правоотношений в цифровой сфере, особенности и юридические свойства информации приводят к возникновению цифровых правоотношений, которые являются основным предметом цифрового права.

Цифровое право современной юридической наукой оценивается крайне неоднозначно. Но все ученые сходятся в одном: цифровое общество и экономика нуждаются в правовом регулировании.

Напомню, что к концу XX в. в России сформировались начала юридической науки информационного права, которые также неоднозначно воспринимались юридическим сообществом, а споры о целесообразности выделения информационного права в отдельную отрасль продолжают и по настоящее время.

На наш взгляд, уже сейчас возникла объективная необходимость научно осмыслить феномен цифровизации экономики и создать механизмы правового регулирования этой сферы. Естественно, как и любую науку, цифровое право можно рассматривать с разных точек зрения. О цифровом праве можно говорить как о системе правового регулирования отношений в цифровой экономике, как о науке и как об учебной дисциплине.

Данный учебник является первым опытом создания систематизированного пособия для подготовки юристов в области цифрового права. И это крайне важно сегодня, когда глобальная конкуренция в сфере цифровых технологий определяет дальнейшее развитие общества.

Авторы учебника посчитали, что наиболее полно содержание цифрового права как формирующейся юридической науки и учебной дисциплины можно раскрыть в 10 главах.

¹ См.: *Блажеев В. В.* Практикоориентированное образование должно базироваться на фундаментальных юридических знаниях. Интервью // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2019. № 1. С. 5–8.

В первой главе дано определение цифрового права в современной правовой системе, выделяются его характерные особенности и сущностные черты. Авторами дается оценка цифровому праву как элементу системы права, а также цифровое право рассматривается в качестве отдельной области исследований и учебной дисциплины, что особенно актуально в силу его интенсивного развития и популяризации.

Вторая глава посвящена анализу одного из элементов правоотношений, складывающихся в сфере цифровых прав, а именно — субъекту цифровых прав. Предлагается понятие субъекта цифровых прав, выделяются характерные черты таких субъектов. Анализируется правовой статус отдельных субъектов цифровых прав, в том числе наиболее спорных — наделенных искусственным интеллектом. Также затрагиваются вопросы правоспособности и ответственности таких субъектов.

В третьей главе рассмотрены вопросы правового регулирования «больших данных». Дается определение «больших данных», рассматривается их соотношение с персональными данными и информацией в целом. Выделяются разновидности больших данных, сферы их использования, анализируются основные проблемы, возникающие по поводу их использования. Раскрываются основные модели правового регулирования больших данных.

Четвертая глава посвящена рассмотрению правового регулирования искусственного интеллекта, определены ключевые понятия и особенности технологий искусственного интеллекта как объекта правоотношений.

В пятой главе анализируется правовая природа смарт-контрактов, их место в системе договоров, отличительные черты и возможные сферы применения. Анализируются негативные и позитивные аспекты использования смарт-контрактов, освещаются предпосылки и тенденции их правового регулирования в России и за рубежом.

Шестая глава посвящена актуальным проблемам применения антимонопольного законодательства в условиях цифровой экономики. Рассматриваются такие актуальные проблемы, как определение доминирующего положения на цифровых рынках, антиконкурентные соглашения, заключаемые при использовании модернизированных цифровых технологий, а также вопросы, связанные с осуществлением контроля за экономической концентрацией на цифровых рынках, которые обладают значительной спецификой и требуют особого подхода контролирующего органа.

В седьмой главе рассматривается феномен блокчейн-технологии, ее понятие, сущностные характеристики, назначение и функции. Рассматриваются принципы работы блокчейн-системы, основные сферы, в которых она потенциально может эффективно применять-

ся, в связи с чем анализируются соответствующие модели правового регулирования и выявляются возможные проблемы правоприменения. Также в главе дается определение криптовалюте, выделяются ее характерные признаки и функции. Анализируются различные подходы к определению криптовалюты в системе гражданских прав, в том числе ее определение в качестве товара, средства платежа, иного объекта гражданских прав. Освещаются основные модели правового регулирования криптовалюты, сложившиеся в теории и зарубежной практике.

Восьмая глава посвящена вопросам цифровизации государственных и муниципальных закупок. Выделяются предпосылки цифровизации этой сферы, преимущества и недостатки перехода на цифровые государственные и муниципальные закупки, анализируется возможность применения отдельных цифровых технологий при таком переходе, а также делаются выводы о значении цифровизации государственных и муниципальных закупок для государства, общества и хозяйствующих субъектов.

В девятой главе дается общее представление об интеллектуальной собственности и объектах интеллектуальной собственности, а также раскрывается взаимосвязь интеллектуальной собственности и цифровых технологий, в том числе в контексте взаимосвязанности их развития и совершенствования их правового регулирования.

Десятая глава посвящена вопросам влияния цифровых технологий на международные отношения, а также анализу опыта отдельно взятых стран по правовому и экономическому регулированию цифровых технологий. Также в контексте вопросов безопасности и устойчивого развития в главе раскрываются направления и перспективы международного сотрудничества в сфере регулирования цифровых технологий.

Надеюсь, что настоящий учебник послужит основой для формирования начала юридической науки цифрового права, поможет осознать место права в регулировании отношений, связанных с использованием информационных и коммуникационных технологий, станет важным элементом профессиональной подготовки разнопланово развитых и эрудированных юристов, способных эффективно реагировать на последние вызовы трансформирующихся социальных и экономических отношений.

В. В. БЛАЖЕЕВ

*ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
председатель Ассоциации юристов России,
заслуженный юрист Российской Федерации*

Глава 1

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ЦИФРОВОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

§ 1. Современные технологические вызовы и трансформация правового регулирования

В правовой системе России происходят фундаментальные изменения, которые с определенными оговорками можно назвать процессами этапной трансформации. Суть последней — в формировании новой структуры нормообразования, которая концептуально отличается от методологии традиционной системы российского права.

В условиях стремительного развития науки, беспрецедентного роста возможностей человеческого разума меняется правовая картина мира.

Динамика правовой картины мира

XVI–XIX вв.

- право силы
- право-привилегия
- право как мера свободы
- формальное равенство

XX–XXI вв.

- техническое и виртуальное регулирование
- новая правосубъектность
- единство права и процесса
- равенство возможностей

К чему ведут глобальные технические достижения? Они влекут глубокие перемены в привычном укладе жизни. К этому приводили все технологические революции, начиная с эпохи металлов в древнем мире и заканчивая открытием электричества и киберпространства в новое и новейшее время.

Современная революция в технологиях — не только совершенствование орудий труда и преобразований окружающей человека среды. Особенность нынешних перемен, отличающая их от всех предшествующих эпох, состоит в том, что новый технологический уклад изменяет не только привычный образ жизни, но и природу правового

регулирования. Результаты, получаемые в физике, биологии, медицине и иных областях, открывают перспективы нового этапа в понимании права, его категорий — воли, субъекта, правовой нормы, правоотношения, представления о которых оставались неизменными последние двести лет.

Более того, впервые появляется реальная перспектива установить прямую связь между природой и правовой культурой, преодолеть фундаментальный разрыв между естествознанием, социальной и гуманитарной наукой.

Основные черты юриспруденции XX в. состоят в следующем.

Юриспруденция в XX в.

- господство регулятивно-охранительного типа права
- политическая систематизация права
- дихотомия методов правового регулирования
- процессуальный фундаментализм
- автономия правовой формы

Такая правовая методология не может систематизировать явления, связанные со следующим этапом развития возможностей человека. Нынешнее правовое мышление основано на регулятивно-охранительном типе правосознания. Поэтому юриспруденция как относительно изолированная сфера общественных отношений все более сталкивается с проблемами адекватности и эффективности.

Отставание права как социального института

- консерватизм методологии регулирования
- негибкость формы
- перманентные пробельность и избыточность
- социальная изолированность
- экономическая неэффективность

Делается все более актуальной проблема системной правовой интерпретации происходящих социальных и технических изменений. Развитие новых технологий выдавливает традиционное правовое регулирование и опережает его в методологическом отношении. Классические юридические режимы процессуальной деятельности делаются тяжелым и дорогостоящим препятствием на пути инноваций во многих сферах.

Возможно ли сохранение системного единства правовой формы при столь бурной и сложной социальной динамике? Возможно, толь-

ко на основе включения в правовое пространство новых оснований макроорганизации права.

Основные направления юриспруденции XXI в.

Юриспруденция в XXI в.

- оптимизация меры права
- диверсификация нормативности
- интеграция технико-социального регулирования
- движение к асимметрии правовой формы
- синкретизм методологии регулирования

Правовая культура ищет альтернативы иной интерпретации соотношения техники и природы человека. Границы между различными сферами знания и видами деятельности сейчас уже выглядят иначе, чем в XX в. Эти границы стали проходимыми уже в период поздней античности, но сейчас этот процесс достиг наивысшего развития.

В чем суть нынешнего исторического времени права? Суть сегодняшней ситуации в правовом регулировании состоит в кардинально изменяющемся характере отношений человека в окружающем пространстве, появлении его новых неизвестных видов — виртуальном, информационном, где фактически преодолеваются строгие границы человеческого и нечеловеческого как объекта материального мира.

Изменяется характер социальности — в него постепенно входят на правах субъектов и новых нетипичных объектов явления, по старой юридической классификации имеющие неживой, не субъектный и не объектный характер: инженерия генома, биотехнологии, интернет, искусственный интеллект.

Фактически эти технологии представляют собой гибриды, объединяющие человека с нечеловеческими сущностями, причем последние, будучи созданными, получают известную автономность от человека.

Старое разделение, на котором основывалось право, физических вещей как независимых объектов — с одной стороны и общества, культуры, состоящих из автономных субъектов, — начинает переживать кризис. Право в традиционном разделении не дает надежной юридической защиты отношениям человека в мире новых технологий и уже сейчас замещается неправовыми регуляторами.

В ближайшем будущем право в его нынешней системе будет не в состоянии контролировать новые гибридные сущности. Уже сейчас институциональные резервы системы права, ее арсенал предметов, методов, аналогий, фикций и презумпций находятся на пределе.

Итак, право, как социальная система, может развиваться, если будет выработано новое представление о соотношении природы и правового регулирования.

Инновационные правовые явления располагаются как бы между природой и обществом и требуют дополнительных представлений на системную организацию права.

Интеграция природы и правосознания

Правосознание

- воля
- интерес
- запрет
- дозволение
- юридическая ответственность

Природа (как элемент правосознания)

- виртуальность
- взаимообусловленность
- ограничение
- закономерность
- технологическая защита

Значительное отличие всего предшествующего развития правовой системы состоит в том, что до сих пор юридическое мышление основывалось на собственном методе идентификации права, включающем элементы воли, интереса, цели, запрета и дозволения. Современная ситуация ведет к тому, что правовая культура вплотную приблизилась к включению в свой непосредственный предмет закономерностей новых виртуальных состояний человека. В правовое регулирование включается вся методология техники и искусственного языка техники, что ведет к существенному проницанию границ между социальными и техническими нормами.

Такого соотношения, когда неживые объекты становятся частью не просто быта людей, на чем основывается нынешнее правовое регулирование, но и частью самих общественных отношений, в истории правового регулирования не было. В системе права этим явлениям пока нет коррелятов, что требует реструктуризации доктрины и взглядов на составные части и инструменты права.

Изменения в системе права

институциональные

структурные

доктринальные

В *институциональном* плане правовой порядок соединяется с нарастающим полем функциональных регуляторов, которые сейчас переполняют нормативное пространство, подменяя и смешивая право с экономическим, административным и политическим нормообразованием.

Институциональные и структурные изменения в системе права

- интеграция базовых отраслей в правореализации
- субсидиарность нормативных комплексов
- стирание границ социальных регуляторов
- проникновение материальных и процессуальных отраслей

Стирание их границ уже привело к валу предметов в законотворческом и правотворческом процессах, разрастанию подзаконной сферы. Все это необходимо инкорпорировать, искать новую форму такой инкорпорации.

В *структурном* отношении базовые отрасли права стремятся к интеграции, высвобождая место новым образованиям специализированного и локального характера мультирегулятивной природы. Нормативная система стремится к большей универсальности и субсидиарности правовых комплексов на основе определенных принципов.

В *доктринальном* аспекте просматривается закономерность, что правовое регулирование гораздо шире и не совпадает полностью с государственным регулированием.

Социальные факторы реструктуризации права

- изменение технологических укладов
- конвергенция социальных и технических нормативных систем
- развитие социальных институтов
- обновление методологии социального регулирования

Соотношение правовой системы, системы права и социальной реальности делается гораздо более сложным. Новизна ситуации в доктрине заключается в преодолении взгляда на господство права как социального и политического доминирования его классических инструментов.

Прежде всего должны, в известной мере, поменяться теоретические представления на явление системности в отечественном праве. Отраслевой подход, основанный на одномерных предметах и методах

правового регулирования, не может уже выразить всю полноту природы права.

Важное значение для переосмысления методологии системы права имеют классические понятия института и нормы права.

В отличие от института традиционной системы права как совокупности однородных норм, институт как предмет (объект) права включает сложный симбиоз материальных, нематериальных и поведенческих элементов, которые в целостности характеризуют понятие технологии.

Чтобы увидеть структурные процессы в праве, необходимо сделать технологии предметом правового регулирования на основе взаимодействия людей и объектов неживой природы. Человеко-центризм права эволюционирует в сторону техноцентризма, не утрачивая приоритета человеческого по отношению к технико-материальным объектам.

Таким образом, правовая система в нормативном аспекте не сводится к системе права, что делает ее гораздо более гибкой. Значительный ресурс этой гибкости заложен в обыденной человеческой деятельности. Именно в изменяющейся бытовой человеческой среде заложен инновационный механизм реструктуризации права. Новый правовой строй обусловлен новым укладом жизни человека, рамки которого расширяют прежние границы отраслей и формальных кодификаций с их однообразными методами правового регулирования.

Новые социальные контексты содержат значительные элементы саморегулирования, что свидетельствует об их правовой природе, которая приходит в противоречие с матрицей старой системы права.

Необходимы дополнительные юридические понятия и категории, исходящие из специфики современной технологической системности права.

Основанием необходимости такого изменения методологии является то, что позитивное право уже не всегда есть только сфера чистого должествования. На позитивном уровне современного правового регулирования происходит выход за пределы нормы-долженствования в область нормативности фактических (технологических) процессов.

Нормативностью, вероятно, обладает технологическое пространство, которое синтезирует образ поведения участников общественных отношений. Поэтому новая сфера права — управление неживой природой, природой искусственной, виртуальной, формируемой на основе прежде всего цифровых закономерностей.

Переход от нормы-долженствования к принуждающей или стимулирующей технологии интегрирует право в сферу материального техноцизма, который все более проникает в систему права. В новой системе права преобладают синтетические технико-правовые режимы, которые не могут вырваться в одномерной и формальной правовой культуре.

Отражением этих процессов является появление в доктрине понятия «цифровое право».

Цифровые технологии имеют значительный регулятивный ресурс, все более становясь трансфером между природой и правовой культурой. При этом, в рамках цифрового пространства природа права оказывается гораздо богаче, чем это могут выразить традиционные средства правовой систематики.

Что такое цифровое право? Обоснованно ли такое научное понятие? Не является ли это сочетание своеобразной метафорой, применимой лишь в популярном и публицистическом обиходе?

С учетом процессов в технологической сфере и их влияния на правовое регулирование, понятие цифрового права выполняет роль методологической категории, раскрывающей тенденции структурной трансформации российской правовой системы.

Цифровое право

нормы, юридино-технические конструкции,
средства информационного правового
воздействия и иные элементы виртуальных
коммуникаций, получившие признание государства

При определении цифрового права упор должен делаться не на формально-юридической, а на объективно-правовой и ситуативной сторонах правового воздействия.

Цифровое право — это нормативный правовой механизм, охватывающий и пронизывающий важнейшие элементы российской правовой системы. Главный критерий выделения цифрового права — наличие цифровой виртуальной коммуникации субъектов, сеть которой в настоящее время неуклонно расширяется.

Субъекты права сами определяют границы цифрового права, вступая в виртуальные коммуникации. В этом смысле цифровое право преодолевает формальные рамки традиционных отраслей права и их законодательных кодификаций. Цифровое право исходно не нуждается в классической правотворческой систематизации. Он само форма структуризации регулятивного материала.

Это явление, в котором предметы и методы регулирования совпадают: метод становится предметом, приобретает форму предмета правового воздействия, структурируя правоотношения в цифровом формате. Очертить границы цифрового правоотношения классическими средствами правоведения затруднительно. Цифровое право строится в межотраслевом и междисциплинарном техническом и юридическом измерении. Это форма более правового воздействия, а не только правового регулирования.

Цифровое право создает пространство, где, в отличие от классического права, отсутствует отраслевая специализация. Оно перемешивает нормы и институты различной отраслевой природы, изменяя структуру права в классических правоотношениях. В цифровом праве классическое право сведено к минимуму, фактически к признакам признания и эффективности (этичности). Все иные признаки права — определенности, нормативности, общеобязательности — выступают в значительно преобразованном виде.

В этом смысле цифровое право — это соединение неправовых регуляторов, которые в определенных сочетаниях дают правовое качество. Цифровая среда создает юридизм нового типа. Цифровое право формирует правовое качество в доселе непредметных для права сферах, прежде всего технико-информационной и естественно-технической.

Именно поэтому вопрос классической юриспруденции — куда отнести цифровое право и есть ли такое вообще — объективным ходом развития естественных и технических наук лишается смысла. Нынешнее право уже не может навязать последним свои методы регулирования. Это объективный факт, который необходимо учитывать.

Тем не менее мы прежде всего должны задаваться именно классическими вопросами. Есть ли такая закономерная область правового регулирования, как классическое право в цифровой сфере? Имеется ли у этой сферы локализованное место в системе права? Может ли цифровое право рассматриваться как некое новое образование, рядоположенное с такими же спорными и нарождающимися нормативными массивами, как право медицинское, энергетическое, конкурентное, спортивное и т.д.?

Ответы на все эти вопросы будут скорее отрицательными. Цифровое право имеет иную юридическую природу. Это не отпочковывающиеся нормы от материнского массива; это не в чистом виде нормы права, как мы привыкли их понимать; это иной способ формирования самой юридической нормативности. Цифровое право — правовое поведение, образ действий в принципиально иной регуляторной среде.

Система цифрового права определяется не предметом, не методом, и даже не типом правового регулирования. Цифровое право формируется цифровыми транзакциями и выступает в этом смысле как социологическая реальность, чистое живое право.

Разница между цифровым и аналоговым правом в том, что классическое аналоговое право создает порядково-меньший объем и пространство правовой нормативности в единицу времени. Впервые в истории права пространство и время выступили критериями правовой дихотомии.

Поэтому цифровое право — иная правовая организация, которая в настоящее время занимает локальные позиции в правовых отноше-

ниях, но потенциально гораздо более емкая и мощная регулятивная система, чем право классическое. Цифровое право постепенно втягивает в себя из аналогового права значительное его пространство. Данный процесс не ведет к замещению аналогового права цифровым. Скорее всего, аналоговое, классическое право будет частью цифрового права, его важным позитивным элементом в сферах конституционного порядка, основополагающих прав человека, в сфере безопасности. Возможно, аналоговое право будет выполнять особую функцию визуализации цифрового права там, где это диктуется политической необходимостью. Но это тоже будет уже другое классическое право, во многом видоизменившее регулятивные инструменты.

В будущем, которое уже наступает, цифровое право готовит новое глобальное деление права: от частного и публичного к фундаментальному и прикладному праву. У фундаментального (чистого) права в целом сохранится нынешняя регулятивная инфраструктура, для которой будет характерна нынешняя симметрия источников, ведущих институтов, нацеленных на обеспечение жизненно важных функций человеческого общества.

В фундаментальном праве, как и сейчас, будут заданы ключевые этические параметры правового образа жизни человека.

В прикладном праве, основанном на закономерностях цифровой организации социальных связей, вероятнее иная система институционализации акторных взаимодействий.

Эта система рассчитана на непрерывное сопровождение бесчисленных правовых фактов, которые все более будут способны осуществляться в безбумажной форме. Именно такое прикладное право (термин условный) практически полностью займет объем правовой системы. Правовая система преобразуется структурно, сосредоточив фундаментальное право на узловых участках правового регулирования.

Можно прогнозировать некоторые параметры будущего правопорядка. Объем формальной правовой системы значительно уменьшится. Поменяется и ее архитектура — функционал юрисдикционных учреждений модифицируется в направлении фундаментирования массового прикладного права новой документарной природы. Прикладная правовая система, как часть правопорядка, уже сейчас соответствует природе массового правового сознания населения, которое живет, в принципе, в автономном режиме от формальных регуляторов и не стремится видеть в формальном праве часть своей повседневности.

Этот вековой раскол массового правового и официального осознания права не может быть преодолен в рамках классической правовой системы. Обыденное, повседневное право давно уже нуждается в максимальном упрощении и алгоритмизации. В различных частях

официального правопорядка налицо тенденция к упрощению процессуальной формы. Однако в рамках классического правопорядка эта тенденция не может приобрести целостности и эффективной универсальности.

Цифровая же среда — именно то пространство, которое закономерно притягивает к себе массовое правосознание. Это та подспудно искомая альтернатива, которую создает нынешний правопорядок, и к которой, вероятно, шло предшествующее развитие правового способа жизни людей.

Противоречия и конфликты, разрешенные в праве европейскими и североамериканской революциями XVII—XVIII вв., накоплены в невиданных масштабах в новейшее время. Способ разрешения этих противоречий может дать не очередная социальная революция, а революция техники, если она сумеет приобрести революционное социальное значение.

Этот процесс не может быть безболезненным и бесконфликтным. На определенном этапе неизбежны коллизии и противоречия виртуального и классического правовых укладов. Цифровое право по мере открытия новых возможностей автоматизации человеческой жизни будет задавать действующему правопорядку серьезные дилеммы и антиномии.

Эти конфликты необходимо смягчать. Задача науки — прогностическая — выявление путей оптимального перехода к новой регуляторной основе цифрового права. Применительно к формальному праву таковой основой были и есть юридические дозволения, запреты и позитивные обязывания.

Сохранится ли эта основополагающая матрица в основе цифрового права? Резкая смена правовой парадигмы невозможна. Скорее всего, будут происходить вращение и борьба новых регуляторов со старыми, сохранение последних по форме с переменной сущности. Это обычный путь зарождения новой юридической эпохи.

Сейчас развитие идет по вполне наблюдаемой линии нивелирования контрастных граней правового дозволения и запрета, создания моделей инструментов, не имеющих однозначных и абсолютных юридических номинаций. Будущее цифровое право будет лишено классической правовой гармонии императивных и диспозитивных методов, на сочетании которых строится современная система права.

Цифровой мир неуклонно расшатывает привычную дихотомию методов правового регулирования, с новой силой заставляет изобретать комплексные режимы воздействия, которым часто нет названия в понятийном аппарате правоведения. В итоге освобождение от ограничений, которые устарели и сковывают творчество человека, сопровождая традиционное правовое регулирование.

Речь идет о движении к новой эпохе индивидуализации в праве. Не индивидуализации в смысле правового индивидуализма, а к такой правовой модели, которая делает индивидуальный правовой статус демократическим в глубоко правовом смысле — частью новых значительных социальных и технологических возможностей. В этом отношении индивидуализм цифровых трансакций выступает закономерным элементом коллективистского технологического и социального устройства общества.

Право может дать человеку новое качество жизни, новую свободу. Снять пределы римского права в его возможностях означает создать радикально новое правовое регулирование. Пределы гибкости римского права поистине безграничны. Со времен средневековья возрожденное римское право и иные западные и восточные правовые традиции образовали множество новых направлений и регуляторов. Традиционный правопорядок идет по пути бесчисленных комбинаций их исходных институтов, аналогий и ассимиляций. Но даже эти безграничные возможности остановились перед беспрецедентным творчеством человека, поставив в повестку дня проблему пересмотра классической правовой традиции.

Цифровое право может состояться только на основе отказа от предыдущей регуляторной практики. Оно сможет быть правом через уход от нормативов современного правового регулирования.

Сейчас кажется невероятной смена базовых моделей права. Договор, деликт, субъект, ответственность, юридическое лицо, правоотношение, письменный правоприменительный акт обладают колоссальной социальной обоснованностью и устойчивостью, близкой к вечности. Они продолжают определять логику имплементации новых технологий. Сейчас в этот фундаментальный ряд идут активные интервенции новой технологической реальности, порождая все больший диссонанс в правовой системе.

Поэтому предстоит во многом заново определить понятия и категории права, связи его институтов, модели квазисубъектов, построить иную систему правовых взаимодействий, представительства, применительно к новому правовому пространству и времени. Неизбежна смена воззрений на классическую теорию правонарушения, юридической ответственности, построение юрисдикционных структур.

Цифровое право не возникнет само по себе, как не возникло и само классическое право. Кто сыграет роль новых преторов и эдилов? Были ли преторы и иные магистраты юристами в нашем понимании? Были ли юристами римские жрецы, которые в легендарную эпоху владели тайной права? Скорее всего, создать новое цифровое право под силу людям, соединяющим знание правовой традиции со свободным технологическим мышлением. Римское право первоначально было набором преторских эдиктов и лишь впоследствии,